

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ КАПИТАЛИЗМА*

В. Г. Федотова

Институт философии Российской академии наук

Поступила в редакцию 8 ноября 2017 г.

Аннотация: рассмотрение проблемы, обозначенной в заголовке статьи, связано с многообразием форм капитализма в разных странах, которое определено в значительной мере не стремлением догнать те из них, кто первыми вступили на капиталистический путь, а развить собственные, адекватные их культурам пути развития. Глобализация XX в. охватила большинство стран, позволив одним быть лидерами мировой капиталистической системы, а другим – участвовать в ней сообразно их весу в мире, степени глобального включения в мировую экономическую систему, связанного с ростом участия большинства стран в мировом хозяйстве.

Ключевые слова: глобализация, глобальный капитализм, капитализм в России, Запад, капитализм, культура, модернизация, незападные страны, социал-демократия, философский, социологический и этнографический методы.

Abstract: varieties of capitalism seem to be a result of different countries' intentions to develop according their own ways of development that are determined by their cultures and not by desire to catch up with the countries that were first to embrace capitalism. The end of the 20th century' globalization affected almost all the countries, allowing some of them to be leaders of the world's capitalist system, and the other to participate in it in accordance with a degree of their inclusion into the global economic system.

Key words: globalization, capitalism, global capitalism, capitalism in Russia, West, culture, modernization, non-Western countries, social democracy, philosophical, sociological and ethnographic methods.

Глобализация и капитализм

Первая глобализация XIX в. включала в свою орбиту гораздо меньшее число стран, чем вторая глобализация, датируемая с распада СССР и постепенно привлекая большинство стран мира. Основой глобального поворота была капиталистическая система хозяйства, к которой подключились как незападные капиталистические страны, включая Россию и страны Восточной Европы, так и страны третьего мира.

По мнению известного американского историка Ш. Фицпатрик, «слово “модернизация” в эпоху, нередко называемую постмодерном, начинает отдавать архаикой...¹. Русские марксисты влюбились в индустри-

*Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15-03-00580.

¹ Для этой мысли есть основания, если понимать модернизацию как догоняющую, что до сих пор нередко происходит.

ализацию западного типа задолго до революции; в основе их споров с народниками, разгоревшихся в конце XIX в., лежала уверенность в неизбежности капитализма (под которым в первую очередь имелась в виду капиталистическая индустриализация). В России, а затем и в “третьем мире”, марксизм служил как идеологией революции, так и идеологией экономического развития» [1, с. 29]. Это – важный вывод о связи идеологии революции и идеологии экономического развития. Как показывает Фицпатрик, большинство революций на Западе было пережито и ушло в историю, но в России буржуазные и Октябрьская революции всё еще остаются предметом споров. Есть люди, которые согласны, что революция была предана, на что ссылается Фицпатрик [там же, с. 305–309], используя название книги Л. Д. Троцкого «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?» [2]. Есть другие оценки, вплоть до отчетливо негативных и абсолютно позитивных, т. е. наша революция не ушла в историю, а осталась событием современным.

Действительно, в России существует разрыв в понимании российской истории, делающий ее полем битвы до сих пор: социализм – капитализм – социал-демократия – национализм – космополитизм имеют своих сторонников и противников. Прошлое нередко видится как нравящиеся отдельные успехи или очевидные недостатки без целостного осмысления.

100-летие Октября было активно отмечено в России и в мире многими конференциями, публикациями, дискуссиями, но не ушло в историю. В недавно изданной в России книге Д. Бахманн-Медик «Новые повороты. Новые ориентиры в науках о культуре» систематизированно описаны тенденции осмысления культуры (повороты). Среди них: антропологический; перформативный; рефлексивный/литературный; постколониальный; переводческий; пространственный; иконический повороты [3]. Происходит значительное расширение специализированного культурного видения ситуации, основанного на одном из или многих культурных принципах (поворотах). Мы пытаемся проследить в данной статье социал-демократический поворот, ставящий вопрос не о сумме благ всего общества (неолиберализм), а о социальной справедливости, в том числе и в экономическом смысле. Едва заметное прежде оживление социал-демократии растет и свидетельствует о том, что социал-демократия ставит вопрос о социальной справедливости как экономической жизни, так и возможностей активного действия людей за достижение своих прав. Это происходит не только в порядке действия маятника «неолиберализм – социал-демократия», но и в связи с выдвиганием многих азиатских, латино-американских, африканских и прочих стран на уровень глобального участия в мировых процессах. Глобализация втянула весь мир в процесс активных взаимодействий между странами и регионами на экономическом и культурном уровнях, вместе с тем позволяя сохранить специфику в понимании задач развития каждым регионом или страной [4].

По мнению немецкого социолога, живущего в Испании, П. Вагнера, эволюция современности (modernity) происходила следующим образом:

от первой либеральной современности Запада XIX в., через разрывы, кризисы и Первую мировую войну ко второй организованной современности Запада большей части XX в. – с 1920 по конец 1960-х гг.

Нами было введено понятие третьей современности XXI в., которое стало своего рода новым Новым временем для незападных стран. Эти страны вступают в эпоху, похожую на ту, который Запад прошел с наступлением Нового времени, но отличие состоит в более значительном влиянии факторов культуры и глобализации сегодня [5, с. 133–357].

Капитализм в истории рассматривался критически. К. Маркс был революционным критиком капитала, но признавал его цивилизующую миссию. Это относится и к М. Веберу. Сегодня критика капитализма не носит революционного характера и не направлена на уничтожение капитализма. Она ориентирована в значительной мере на его улучшение. Работ, в которых ставится вопрос о конце капитализма, становится всё меньше. Количество исследований капитализма с объективных позиций растёт.

Социальные теоретики выделяют, по меньшей мере, четыре типа отношений капитализма и современности: 1) капитализм и современность как прочно связанное и переплетенное социальное образование; 2) современность как самое многообещающее явление, которому капитализм не дает завершиться, становясь причиной многообразных форм современности; 3) капитализм и современность – сосуществующие, но аналитически различные социальные системы; 4) есть страны, развитие которых обеспечено капитализмом (например, Англия), и есть такие страны, в судьбе которых наибольшую роль оказала модернизация, например политическая модернизация (США, Франции, в особенности важна роль Великой Французской революции в этой стране) [6–7].

Социал-демократия как капитализм на службе обществу

Если мы зададимся вопросом, была ли альтернатива капитализму и социализму в истории, то ответ состоит в том, что альтернатива такая была. Ее носителем являлась социал-демократия, представлявшая собой взаимовыгодный контракт власти, бизнеса и наемных работников об условиях их взаимодействия. Это оказалось наиболее благоприятным для населения, но с началом глобализации капитал стал уходить туда, где выгодно. Налоговая база социал-демократии, за счет которой осуществлялось справедливое распределение, ослабла. Социал-демократические страны являются и являлись капиталистическими. Но социал-демократии обеспечивали высокий уровень социальных гарантий, качества жизни, справедливости и соответствия этическим нормам, хотя большая трата средств на социальную политику уступала неолиберальной конкуренции, когда средства скапливались в руках немногих. И альтернативой как капитализму, так и социализму могла бы быть социал-демократия, несмотря на то, что она осуществилась только в тех странах, которые определялись как капиталистические. СССР не пошел по данному пути, а он мог бы осуществить реальную конвергенцию капитализма и социализма, таким образом.

В настоящее время возродились дебаты о социал-демократии в западных странах, привлекая внимание обществ Запада в связи с очевидным концептуальным кризисом и в незападных странах, ищущих возможности совместить социалистические ориентации с капитализмом. В недавно опубликованной в России книге «Как сделать капитализм приемлемым для общества» [8] ее автор, известный британский социолог и политолог К. Крауч, во-первых, подвергает критике неолиберализм, обычно связанный с экономической ортодоксией МВФ и ОЭСР, за безразличие к неравенству; во-вторых, утверждает, что неолиберальная ситуация создает опасную атмосферу неравенства, и, в-третьих, упоминает «поразительный факт» того, что «все эти события порождены отнюдь не могущественными силами, неподконтрольными человеку, но являются результатом политического выбора – и это поразительный факт... финансовый кризис 2008 г. раскрыл потенциально разрушительные последствия функционирования некоторых аспектов капитализма, его зависимость от способности государства спасти общественный строй от его собственных противоречий за счет широких слоев населения, а также привлек внимание к непрерывно углубляющемуся неравенству, которое, как представляется, соответствует интересам элит» [там же, с. 10–11]. Альтернативой Крауч считает «государство всеобщего благосостояния и напористой социал-демократии» [там же, с. 142–173], которая представляется ему «высшей формой либерализма» [там же, с. 203–243]. Его аргументация разворачивается как отход от оборонительной политики к «напористой социал-демократии», т. е. социал-демократии, способной заново открыть свои возможности. Он осуществляет критику неолиберализма, подчеркивая его частичную, через рыночные несоответствия достигаемую, несовершенную конкуренцию, неадекватную информацию, неадекватное состояние общественных благ и экстерналий (внешних условий). Именно две последние черты представляются Краучу наиболее заметными дискуссионными несоответствиями. Общественные блага он характеризует как «желаемые и неконкурентные сущности». Это значит, принимается во внимание, что «потребление блага одним лицом не препятствует его потреблению другими» [там же, с. 57], т. е. получаемое одними не отнимается у других и обеспечивается контролем со стороны правительства. Но не все блага таковы. Многие из них являются предметом жесткой конкуренции. Автор книги пишет: «Европейская социал-демократия должна встряхнуться и отказаться от оборонительной позиции, которые она занимает все последние годы... Вновь на первый план выходит проблема неравенства. Власть, которой обладают крупные корпорации, создает всё больше проблем для потребителей, трудящихся и граждан... Во всех... областях социал-демократия занимает сильные позиции, а либеральный капитализм наиболее уязвим. Но вот парадокс: ...в большинстве стран мира социал-демократия находится в депрессивном состоянии, а либералы чувствуют себя триумфаторами. Если мы поймем причины столь странной ситуации, то сможем предложить изменения, которые следовало бы

внести в политику социал-демократов, и помочь им перейти от обороны к активным действиям, чтобы вместе с экологическими и другими прогрессивными общественными группами создать новый политический союз, более целостный, чем простые «красно-зеленые» предвыборные объединения» [там же, с. 142–173]. Но это – не вся программа. Это – начало строительства «государства всеобщего благоденствия и напористой социал-демократии», которая способна обеспечить коллективные переговоры, координацию сил, социальные инвестиции и государство всеобщего благоденствия, отхода от оборонительной позиции [там же]. Крауч считает эти перспективны вполне реальными. С нашей точки зрения, распад СССР сыграл дурную роль, вызвав переход западных элит на позиции неолiberaлизма. Теперь в восстановлении социальной политики для Запада важна будет позиция России в возвращении к концепциям социал-демократии. В конце своей книги Крауч спрашивает: «Насколько реальны перспективы социал-демократии?». Он отвечает на этот вопрос тем, что рынки, регулирование, общественные услуги, социальная и транснациональная политика, налогообложение дают основание для оптимизма [там же, с. 261–285].

Еще более жесткую позицию критики либерализма занимает американец Ф. Котлер, который получил почетную степень в двадцать одном иностранном университете. В своей книге «Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики» [9] он называет: проблему бедности; рост неравенства доходов; положение рабочих; создание рабочих мест в эпоху роста автоматизации; общественные затраты компаний; загрязнение окружающей среды; бизнес-циклы и экономическую нестабильность; опасность низкой заинтересованности; долговое бремя и финансовое регулирование; разрушение экономики политикой; краткосрочную ориентированность капитализма; сомнительные результаты рыночной деятельности; рост ВВП и темпов экономического развития; необходимость производить счастье, наряду с товарами. Таким образом, автор книги насчитывает четырнадцать факторов рыночной экономики, которые требуют пересмотра. При этом он проявляет стремление к высокоэффективному капитализму, способному удовлетворить общественные потребности. Он пишет о пяти проектах, которые позволили бы капитализму лучше функционировать и принести пользу, о причинах, побудивших его написать книгу о капитализме под знаком вопроса. Котлер решил ответить на ряд проблем, касающихся капитализма:

- ему было интересно узнать, что такое капитализм в разных местах Земли, где живут его друзья и родственники;
- он считает капитализм лучшей экономической системой, но находит в нем четырнадцать недостатков;
- он хотел бы исследовать все четырнадцать проблем и «отобрать те, которые позволили бы капитализму лучше функционировать и смогли бы принести пользу большему числу людей» [там же, с. 7–8];
- получить краткий ответ на вопросы, на которые Т. Пикетти дал ответ в виде книги «Капитал в XXI веке»;

– он хотел бы поделиться опытом изучения капитализма.

Котлер утверждает, что «в лучшей своей форме капитализм основывается на индивидуализме, амбициях, духе соперничества, сотрудничестве и хороших системах управления» [там же, с. 17]. Однако ему же вменяются в вину четырнадцать недостатков, которые должны быть устранены или сведены к минимуму:

- 1) капитализм не предлагает решения проблем бедности;
- 2) способствует увеличению неравенства доходов и благосостояния населения;
- 3) не обеспечивает прожиточного минимума миллиардам рабочих;
- 4) не готов предоставить достаточное количество рабочих мест ввиду растущей автоматизации;
- 5) не вынуждает компании в полной мере обеспечить социальную защиту населения;
- 6) эксплуатирует окружающую среду и природные ресурсы, если не подвергается жесткому контролю;
- 7) способствует возникновению бизнес-циклов и экономической нестабильности;
- 8) основывается на индивидуализме и собственном интересе, чем разобщает людей;
- 9) способствует высокой задолженности потребителя, что приводит к растущей в финансовом, а не в производственном плане экономике;
- 10) позволяет политикам и бизнесменам объединяться и игнорировать экономические интересы большинства граждан;
- 11) предпочитает краткосрочное планирование прибыли долгосрочному;
- 12) недостаточно регламентирован в отношении качества продукции, ее безопасности, правдивости рекламы и противоконкурентного поведения;
- 13) имеет тенденцию фокусироваться только на росте ВВП;
- 14) должен не нарушать общественные ценности и делать людей счастливыми» [там же, с. 21].

Столь длинная цитата приведена, чтобы показать причины действия маятника смены полюсов «неолиберализма – социал-демократии». Сегодня последняя начала пробивать себе дорогу. Через ряд лет она покажет меньшую эффективность, чем неолиберализм. *Но сегодня либеральный проект скомпрометировал себя всюду, где он был применен, причем не только экономическим неравенством, но и превращением общества в массовое, равно как культуры – в преобладающе массовую.*

Экономические кризисы 1998 и 2008 гг. вызвали волну критики капитализма. Н. Саркози однажды заявил, что пора подумать о преимуществах социализма перед капитализмом. Многие восприняли это всерьез, не учтя того, что во Франции сильны социалистические силы и левые партии, и Саркози сделал кивок в адрес этих сил, которые за ним не

шли, желая продемонстрировать себя как президента всех французов. Но потом был социологический опрос немцев и австрийцев по вопросу об их отношении к капитализму. Результаты опубликовал журнал «Шпигель». Немецкая журналистка в «Российской газете» писала, что социологическое исследование показало, как в кризисные времена люди с сомнением восприняли ориентацию на преимущественно экономический рост и стали больше обращать внимание на негативные стороны капитализма, особенно в сфере угроз окружающей среде и социальной поляризации населения. Оказалось, что девять из десяти опрошенных хотели улучшить существующий экономический порядок путем защиты природы, рационального отношения к ресурсам, социальной справедливости. В «Шпигеле» находим, что 4/5 всех респондентов говорили и о своей ответственности и готовности изменить привычки, стиль жизни для улучшения экономического устройства. Например, меньше пользоваться автомобилем, реже летать на самолете, аккуратно обращаться с мусором, утеплять свое жилье, пользоваться альтернативными источниками энергии пр. Люди не хотели старого капитализма, но не мечтали и о социализме. Их альтернатива – это включение в модернизационный проект не только экономического роста, но и многих других параметров, имеющих социально-гуманитарное, экологическое, этическое содержание. Но будет ли это тогда соответствовать капитализму? И можно ли будет считать, что капитализм стал другим?

Россия, Китай и развитие азиатского региона

После распада СССР люди в традиционном секторе России относительно поддерживали прежний образ жизни, хотя он не обеспечивался ни идейно, ни материально. Они обратились к выращиванию овощей на дачах, сборанию грибов, ягод, «челночничеству» и прочим подработкам, тем более что многие потеряли работу. По существу многие из них – потерявшие работу, зарплату, привычный образ жизни – сформировали *адаптационный* сектор.

Модернизационный сектор, включавший более адаптированных к сложившейся ситуации людей, направлял свои усилия на осуществление политической модернизации, состоящей в поддержке демократии, демократической институционализации, но в значительной мере эти усилия тонули в возникшей анархии и воспроизводстве архаики. Практически в 1990-е гг. отсутствовало социальное государство любого типа (и либеральное, и консервативное, и социал-демократическое). Политическим тенденциям не соответствовало состояние производства: остановили работу многие заводы, не было заказов тем, кто еще функционировал, не проводилась реиндустриализация, ставшая много позже характерной тенденцией обновления промышленности новой техникой и людьми более высокой специализации и квалификации, чем нужны традиционному индустриальному производству. Разрушенный сектор тяготел в большей мере к воспроизводству архаики, стремился к архети-

пическим формам. Но сегодня Россия развила в значительной степени индустриальный и постиндустриальный характер производства, эффективный государственный сектор экономики, сформировала новые образовательные программы, хотя и не в достаточной мере ориентировалась в высшем образовании на высокую производительность и постиндустриальные возможности развития технологий на базе фундаментального знания.

В многолетнем исследовании среднего класса российским журналом «Эксперт» средний класс характеризовался как социальный слой, обладающий энергией, волей, дисциплиной. Он и был таким. Но в условиях новых капитализмов и хозяйственных демократий средний класс быстро превращался в класс-потребитель. Это соответствовало также снижению бизнес-энергии общества, пошатнуло принципы социальной справедливости, оставив в ряде индустриальных и постиндустриальных отраслей, тем не менее, серьезные достижения.

Постсовременное общество строится путем объединения черт двух первых – традиционного и современного: традиции и инновации, светского характера социальной жизни и признания религиозности в культуре, цикличности и поступательности в развитии, авторитаризма и демократии, коллективизма и индивидуализма, индустриализации, постиндустриализации и ограничения пределов роста, предзаданного и приобретенного статуса, ценностной и целевой рациональности, локальности и универсальности (глобальности) и т. д. (Примером подобного общества обычно называли Японию). Данная теория имеет и другое название: модернизация на основе собственной идентичности, модернизация без вестернизации. В Японии сегодня она не популярна, вытеснена новыми теориями модернизации, связанными с появлением нового процесса социальной трансформации – глобализации.

Отождествление индустриализма с модернизацией не совсем адекватно в анализе опыта Юго-Восточной Азии: он действительно соответствует парадигме позднего индустриализма, но построенного в обход современности на основе собственной идентичности, по модели японских и, как сегодня случилось, китайских социологов и других специалистов, отвергших предшествующий либерализм периода американской оккупации Японии. Это особое свойство – умение использовать сохраненную идентичность и мешавшие развитию традиции (коллективность, религиозность) в интересах развития – делает более убедительной точку зрения, что рассмотренный процесс выходит за пределы модернизационной теории (хотя не за пределы индустриализма). И корни неустойчивости японского успеха не столько в индустриализме, сколько опять же в неадекватной социальной субстанции, попытке модернизироваться, игнорируя социальную модернизацию.

А. Смит – классик буржуазной политэкономии не употреблял термина «капитализм». Он выдвинул трудовую теорию стоимости и обосновал значимость рынка. Но при этом он часто сравнивал рынок Англии с рын-

ком Китая. В Китае Смит находил преимущества огромного человеко-емкого рынка, отмечал упорство китайцев в труде и дешевизну рабочей силы в Китае, способность китайцев производить и продавать огромное число товаров. А в Англии рынок маленький, считал он, его человеко-емкость невелика, возможность продавать меньше. Поэтому нужно, полагал Смит, объединение рынков европейских стран и нужны машины, которые могли бы сравниться в работе с производительной емкостью китайского общества, обеспеченной огромным числом работающих людей.

Многие страны сегодня стоят на путях национальных моделей модернизаций, приспособлявая свое развитие к особенностям своей специфики. Особенно характерным примером становится развитие Китая.

Сегодня мы знаем, что Китай, ставший одним из чемпионов развития, уверенно объявил себя страной, идущей по социалистическому пути. Сходные позиции занимает и Вьетнам. Возникает вопрос, почему страны, в экономике конкурирующие с капиталистическими странами, делают такой внутренний выбор. На наш взгляд, это – обещание социальной заботы о населении, справедливости, социальных программах, ибо в ходе глобализации обретаются навыки капиталистического хозяйствования, делающие Китай конкурентом США, если сопоставить количество населения в этих странах. Скорее всего, речь идет о внутренней дисциплине и социальных программах в Китае одновременно с ростом в нем капиталистических форм хозяйства, позволяющих сделать соотношения двух экономических гигантов – США и Китай относительно соизмеримыми в сфере глобальной торговли, – но различающихся своими культурами, внутренними укладами и задачами.

Вопрос о судьбе капитализма как основы современности и одной из целей модернизации приобрел дискуссионный характер в связи с угрозами, которые он несет социальной сфере, природе, морали, человеку. И сегодня это тема не марксистских исследователей, а социальных теоретиков самых разных направлений.

Мировой экономический кризис не закончился и, очевидно, закончится не скоро. Меньше всего от него пострадал Китай, настолько меньше, что китайское правительство принимало прежде решение несколько ограничить экономический рост. Для чего? Как показал известный ученый Ту Вэймин, в Китае всё время решали вопрос о том, как преодолеть следующие альтернативы: «традиционное и современное», «локальное и глобальное», «капиталистическое и социалистическое» [10, с. 237–251]. При всей идеологической ориентации на социализм там имеются элементы такого развития, которые характерны для капитализма. Про глобализацию писали, что это победа капитала над национальными интересами незападных стран, в том числе и мы так думали. Но Китай сразу ринулся в глобальный рынок и сумел использовать его в интересах своей страны. И вот сегодня, когда чувствуется, что глобальный рынок – это источник конфликтов, связанных с экономическим кризисом, в Китае стараются перенести часть продаж внутрь самого Китая.

Необходимо отметить, что все эти повороты находят отражение в проблематике отношения западных и незападных стран, а также стран третьего мира, что будет показано на примере их места в глобальной экономике в китайских мегатрендах, открытых супругами Дж. Нейсбитом и Д. Нейсбит [11].

Чрезвычайно интересным является тот факт, что китайцы, обращаясь к западной литературе по модернизации, видимо, были не вполне уверены в том, что они ее понимают адекватно. К этому выводу я пришла, обнаружив, что в 1996 г. Дж. Нейсбит, издавший свою знаменитую книгу «Мегатрендъ» (1982)², получил предложения от председателя КНР Цзян Цзэминя рассказать о своем видении Китая. К этому времени в Китае было продано 20 млн экземпляров книги «Мегатрендъ», и Нейсбит здесь был очень популярен. В тот момент Нейсбит не принял предложения из-за занятости, но десять лет спустя он снова получил предложение написать о китайских мегатрендах. Была поставлена задача рассмотреть мегатренды Китая, отстранившись от западных представлений и дав трактовку, совпадающую с видением китайцев. Этот удивительный эксперимент воплотился в книгу Дж. Нейсбита и его жены Д. Нейсбит «Китайские мегатрендъ».

Установка Нейсбитов состояла в том, чтобы смотреть на Китай с его собственных позиций, а не со своих собственных. Сама задача требовала проникнуться пониманием Китая, строя мышления китайцев. Эту историю можно уподобить тому, как построить цивилизованный капитализм в России, исходя из мышления россиян. В сравнении с подобными задачами китайцы показали большую традиционность и однородность своего мышления, символическое понимание многих житейских символов и ситуаций. В России, прошедшей разрывы и повороты, распад советских ценностей и отсутствие единства в постсоветский период, распад территориальной целостности, программа Нейсбитов не могла бы быть построена. В Китае, где сохранились базовые традиции, Нейсбиты смогли получить результат. Дж. Нейсбит писал в предисловии к книге: «Для начала требовалось собрать как можно больше сведений о том, что происходит в стране. Мы приступили к совещаниям, наш штат составляли двадцать восемь студентов и аспирантов двух университетов Тяньцзиня, а консультантами выступали китайские предприниматели и ученые.

² Наибольший интерес представляет прогноз начала 1980-х гг. Дж. Нейсбита для Запада. Это – самый потрясающий прогноз как по форме, так и по содержанию. Он относится к миру в целом, но особенно касается Запада, где зарождаются новые тренды и проникают в незападные общества. Это – десять позиций, обозначающие доминирующие тенденции и их альтернативы: индустриальное общество – информационное общество; развитые технологии – высокие технологии с уравнивающимся человеческим ответом; национальная экономика – мировая экономика; кратковременность – долговременность; централизация – децентрализация; институциональная помощь – самопомощь; представительная демократия – демократия участия; иерархия – сеть; или/или – многообразный выбор. Эти прогнозы полностью оправдались.

Мы тщательно проинструктировали сотрудников о том, что им надлежит делать. Во-первых, самое важное, нужно фиксировать исключительно факты, реальные события – никаких планов, никаких деклараций. Во-вторых, нельзя руководствоваться заранее составленными шаблонами: любая структура определенным образом ориентирует исследование, а, значит, мы рискуем пропустить то, что надеялись отыскать, – то, чего не знаем, то, что нас поразит. Наконец, третья задача состояла в том, чтобы собрать и перевести статьи из китайских СМИ, создав таким образом базу данных» [там же, с. 10]. Этот, на наш взгляд, своего рода этнографический метод позволил получить концептуальное объяснение.

Поговорим теперь о мегатрендах (о столпах) китайского развития, которые супруги Нейсбит выразили вполне по-китайски. Китайские мегатренды, изложенные Нейсбитами на языке китайских метафор, включают восемь столпов. Раскроем первый «столп» и назовем остальные семь, не детализируя их содержания.

Столп 1 – освобождение разума. Он включает в себя следующие идеи и метафоры: хорошая идея вовремя, у свободы много лиц, подтянуть шнурки, отцепи и отпусти, освобождение требует времени, возрождение гена китайского предпринимательства, новое поколение в старых структурах, отрезание лишних веток, развитие банковской системы, умная стратегия, слияния и приобретения, от мясного скота к дойным коровам, кто решает?, требования Запада, Китай Ху Цзиньтао, идти новыми путями, более человечная политика, формирование подлинного Китая, чудесная метаморфоза, пусть бабочка летит... [11, с. 25–62].

Примерно так же построены следующие столпы, где метафоры сочетаются с пожеланиями или наименованиями пути: столп 2 – баланс векторов «сверху вниз» и «снизу вверх»; столп 3 – высаживание деревьев – «пусть растут леса», столп 4 – вброд через реку, нащупывая камни; столп 5 – художественная и интеллектуальная политика; столп 6 – присоединение к миру; столп 7 – свобода и справедливость; столп 8 – от олимпийского золота к нобелевским премиям. Ясно, что супруги Нейсбит вжились в строй китайского мышления, которое очень метафорично и детально прописано ими в виде указанных столпов.

Китайские метафоры в раскрытии восьми столпов китайских преобразований показывают строй мышления китайцев и характерное для них восприятие мира. Например, «слияния и приобретения» – это роль менеджмента; «от мясного скота к дойным коровам» – стремление к экономическому процветанию; легитимация посредством достижений; «кто решает?» – Запад воспринимает свои ценности как самоочевидные и универсалистские, а Китай и другие культуры ищут правильное для себя.

Характерно непонимание Западом, а на наш взгляд, и Россией причин консолидации Китайского государства – отношения к прошлому как имеющему положительное и отрицательное усвоение положительного. Умение искать новые пути и идти по ним; более человеческая полити-

ка; формирование подлинного Китая: «Подлинность означает, что наши действия не подвержены внешним влияниям; скорее, они проистекают из нашего собственного взгляда» [там же, с. 56]; чудесные метаморфозы – концентрация на экономике и переход к тому, чтобы формировать целое из казалось бы несовместимых частей; «пусть бабочка летит» – пусть улетают прежние идеологии: «Подлинный шаг к полной политической эмансипации – позволить бабочке взлететь и назвать бабочку бабочкой» [там же, с. 61].

Дж. и Д. Нейсбиты рассуждают о том, что такое свобода для американца и для китайца. Для американца – это собственная возможность решить, как жить, не обращая внимания на других. Для китайца – это общественный порядок и гармония. Это – ключевые понятия Конфуция. «Когда люди Запада размышляют о свободном демократическом обществе, они представляют себе горизонтальную структуру, в которой индивиды обладают равными правами и периодически выбирают национальных лидеров... Что если демократия окажется вертикальной, а не горизонтальной?.. В данном случае политику определяет не соперничество политических партий или государственных деятелей, а согласие “сверху вниз” и “снизу вверх”» [там же, с. 64–65]. Это позволяет авторам сделать вывод о вертикальной демократии Китая и о том, что она взро- слееет. Растут голоса и инициативы снизу.

Некоторым уравниателем стала глобализация, в которую включилось большинство стран как Запада, так и не-Запада, в том числе и стран третьего мира. Их участие не охватывается ни общей моделью модернизации, ни общей моделью капитализма. И модернизации, и капитализмы, существуя в рамках глобального мира, не тождественны друг другу. Несмотря на ожидания выравнивания различий глобализацией, возник менее однородный мир, который многие делят на первый, второй, третий и иногда даже четвертый. Глобализация не только не уравнила страны мира, как полагали наивные оптимисты, но и разделила мир, продолжая видеть преимущества капитализма над другими системами хозяйства и социальной организации и до недавнего времени находя в Западе единственного лидера глобализации.

Это означает, что изменение глобальной тенденции как в плане институционализации, так и в ценностном отношении не позволяет модернизирующимся странам, в частности России, Восточной Европе, Турции, Мексике, решать проблемы своего развития и экономического процветания только перенимая и имитируя существующие структуры западного общества, которые сами начинают подвергаться изменению. Весь мир не может жить так, как США. Такая интенсивность потребления природных и человеческих ресурсов была бы экологически и культурно опасной. От модернизирующихся стран поэтому требуются ныне иные направления развития, новые пути. Глобализация пытается организовать социальный порядок, переходя от фрагментации в видении незападных стран к поискам моделей.

Попытку модернизации (как по капиталистическому, так и по социалистическому образцу) предприняли страны третьего мира в период деколонизации. Источники их развития были неорганическими – вызов Запада и других более развитых стран. Механизм развития – этатизм, деятельность прозападных элит. Характер изменений – деархаизация. Темпы развития крайне медленные. Результатом попыток модернизации часто становилось разрушенное традиционное общество. Духовные. Культурные предпосылки отсутствуют. Образ будущего – улучшение жизни. Эта модернизация характеризуется как постколониальный тип развития, который не удался настолько, что положил конец в 60-е гг. XX в. интересу к модернизационным теориям, пока он не был реанимирован в 90-е применением теории модернизации к посткоммунистическим странам (тоже неуспешно), и эта теория получила название неомодернизма.

Остается, наконец, группа стран четвертого мира, где модернизационных попыток не было, где развитие не заметно нескольким поколениям и осуществляется крайне медленно по типу естественной эволюции или архаическому типу. Где имеются органические препятствия развитию, структуры сознания примитивных обществ, не способствующие развитию. Образ будущего – сохранение существующего.

Итак, классические теории капитализма и модернизации адекватно описали опыт Запада и способствовали модернизации ряда незападных стран, которая осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить модернизацию стран третьего мира и оставила вне зоны интереса страны четвертого мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что время классической модернизации и присущей ей стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец, и капитализм на этой основе плохо складывается.

Классическая теория модернизации подвергается сегодня серьезной критике по ряду параметров. Прежде всего, эта теория воспринимается как симптом признания линейности и одновариантности развития, постоянной устремленности к развитию, которую называют девелопментализмом. Она обвиняется в излишне жесткой связи факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному. Подчеркиваются такие ее негативные стороны, как излишний детерминизм, телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться ее жертвой. К списку недостатков классической модернизационной теории как источнику перехода к капитализму добавляются признание за историей непреложной логики и закономерности развития, лишающее общества возможностей выбора, отказ от плюрализма рациональностей и ориентация на рациональность Запада, требование

рекультуризации, которое предъявляется незападным народам в процессе модернизации. В ходе западной модернизации произошло формирование наций. Поэтому сегодняшнее применение классической теории модернизации рассматривается как реанимация нацио- или этноцентризма и источник этноконфликтов. Особой критике подвергаются догоняющая модель развития, используемая незападными странами, и их попытка приблизиться к уровню развития западных стран.

Ныне указанные черты развития вызывают сомнение и неудовлетворенность, как в теоретическом, так и практически политическом смысле. На модернизационную теорию возлагается ответственность за неудачи модернизаций в ряде стран, а также за то, что ни одна из осуществленных или осуществляемых модернизаций не удовлетворяет требованиям классической модернизационной теории, на которую они были ориентированы.

Но мы видим грандиозные успехи китайского общества, которое прошло в своем развитии больше перемен, чем Россия из-за большей продолжительности своего существования. Опыт супругов Нейсбит показывает, что их почти этнографический подход раскопал важные сущностные черты Китая и дал толчок к его прогрессу и способности вписаться в мировые процессы, отступая от догм к раскрытию своей подлинности.

Объем статьи не позволяет изложить все восемь столпов китайского развития, но дает исключительно ценный методологический материал, чтобы теоретически обратиться к исследованию российской специфики и посмотреть на нравы народа, найти в них базовые «столпы», основания, чтобы переосмыслить заново российские процессы сквозь призму нашей сущности и перспектив улучшения как следствия возможностей нашей культуры сегодня. Культура в данном случае понимается как набор типических отношений к событиям и явлениям жизни. Пока можно назвать книгу о русском национальном характере К. Касьяновой и работы этнографов В. А. Тишкова, Л. М. Дробижевой и других, исследования И. С. Семененко. Именно в этнографии, социологии и философии мы видим подход Дж. Нейсбита и Д. Нейсбит, некую методологическую модель, которая может быть применена и к России для анализа ее сегодняшнего состояния и прогнозов на будущее.

Литература

1. *Фицпатрик Ш.* Русская революция / Ш. Фицпатрик. – М. : Изд-во Инта Гайдара, 2018. – 320 с.
2. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция : Что такое СССР и куда он идет? / Л. Д. Троцкий. – М. : Книга по требованию, 2016. – 169 с.
3. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. – М. : Новое Лит. Обозрение, 2017. – 502 с.
4. *Федотова Н. Н.* Глобализация и изучение идентичности / Н. Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 72–80.
5. *Федотова В. Г.* Глобальный капитализм : три великие трансформации : социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества /

В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 608 с.

6. *Wagner P.* Modernity, Capitalism and Critique / P. Wagner // Thesis Eleven. – 2001. – P. 1–31

7. *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation / P. Wagner. – Polity, 2008. – 296 P.

8. *Крауч К.* Как сделать капитализм приемлемым для общества? / К. Крауч. – М. : Нац. исследоват. ин-т Высш. шк. экономики, 2016. – 288 с.

9. *Котлер Ф.* Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики / Ф. Котлер. – М. : Эксмо, 2016. – 288 с.

10. *Ту Веймин.* Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии / Веймин Ту // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исследований, 2002. – С. 237–251.

11. *Нейсбит Дж.* Китайские мегатренды / Дж. Нейсбит, Д. Нейсбит. – М. : Астрель, 2012. – 315 с.

Институт философии Российской академии наук

Федотова В. Г., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России»

E-mail: val_fedotova@mail.ru

Тел.: 8 (495) 697-98-93

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Fedotova V. G., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Social Philosophy Department, Head of Program «Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia»

E-mail: val_fedotova@mail.ru

Tel.: 8 (495) 697-98-93